

Н. Е. ЕГОРЫЧЕВ

**Солдат. Политик. Дипломат.
Воспоминания об очень разном**

<Фрагмент>

Июньский (1967 года) пленум ЦК КПСС

Подготовка доклада

На обсуждение пленума ЦК было вынесено два вопроса: «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке» и «О Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции».

Мне никто не предлагал выступать на пленуме, но, учитывая сложившуюся обстановку, я решил подготовиться и попросить слова. Текст своего выступления я показал лишь очень ограниченному кругу лиц.

Жена очень отговаривала меня от этого выступления, но я ее не послушал.

С. Е. Егорычева: Перед пленумом ЦК в июне 1967 года он дал мне прочитать текст, с которым намеревался выступить на пленуме. Это был особый случай. Раньше этого никогда не делал. Он хотел знать мое мнение, так как выступление было очень ответственным, наболевшим. В нем он критиковал Центральный комитет, который мало уделял внимания вопросам обороны Москвы.

Кроме того, в своем выступлении он поднял национальный вопрос. В его выступлении на пленуме этот вопрос не прозвучал так полно и резко, как он был изложен в том тексте, что я читала. Он отмечал рост национализма в республиках, затронул также еврейский вопрос, что евреев у нас унижают, что здесь мы недорабатываем.

Я сказала ему, что так выступать нельзя: «Надо смягчить выступление. Сейчас никто так не выступает». На что он мне от-

ветил: «А мне все равно с этими людьми не работать. Я с ними не ужился. Считают, что я очень резкий. Я буду выступать так, как подготовился».

Ю. Д. Липинский: Было неясно, будет ли там выступать Николай Григорьевич. Вроде бы вопрос так не стоял. Но он поручил мне, чтобы я прикинул, что ему говорить.

Мы составили план. Там тоже был поставлен и вопрос об обороне, но в том смысле, что надо больше уделить внимания обороне нашей страны, что опыт проверки обороны, допустим, Египта показал, что эти недостатки могут иметь серьезные последствия. Все это сказано в обтекаемой форме.

Но когда мы сели с ним на даче и я прочитал подготовленный им текст: «усилить, поднять контроль» и т. д. и т. п. (честно говоря, я уже не помню его в деталях), — я решительно сказал:

— С таким текстом выступать нельзя!

— Почему?

— Потому что, во-первых, это очень резко. Во-вторых, контроль осуществляет определенная группа лиц, которая ведаёт вопросами безопасности в государстве. Это не дело Московской партийной организации...

Он помолчал, а потом твердо сказал:

— Юрий Дмитриевич, больше вы не занимайтесь моим выступлением. Я вас больше привлекать не буду. Займитесь другими вопросами. А я еще поработаю, — и добавил: — Если что, я скажу, что вы к этому никакого отношения не имели и не имеете.

После этого он никогда мне ничего не говорил по вопросу подготовки выступления. Я не знаю, показывал ли он кому-нибудь эту речь, обговаривал ее еще с кем-то. Могу только сказать, что на всех последующих заседаниях секретариата и бюро МГК я бывал. Этого вопроса — о выступлении на пленуме — я не слышал.

Первый день работы пленума ЦК

Придя на пленум, я послал записку в президиум с просьбой дать мне слово.

После утверждения повестки дня Л. И. Брежнев выступил по организационному вопросу. Сообщив, что В. Е. Семичастный назначен первым заместителем председателя Совета министров Украинской ССР и председателем КГБ СССР стал Ю. В. Андропов, он внес предложение ввести Андропова в качестве кандидата в члены политбюро ЦК для повышения роли КГБ. Все единодушно проголосовали «за».

Затем Брежнев выступил с докладом «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке»¹. Прения открыл первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест. Он, в частности, затронул вопрос о всплеске сионизма среди отдельных советских граждан в связи с войной на Ближнем Востоке.

После перерыва выступили первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев и председатель ВЦСПС В. В. Гришин. Все они одобряли действия политбюро ЦК, предпринятые для прекращения агрессии. Говорили, в частности, о необходимости повышения бдительности, обороноспособности страны, боеготовности наших Вооруженных сил. Об этом говорилось и в докладе Брежнева. В общем, в том же русле, в каком собирался говорить и я.

Ничего вызывающего в своей речи я не видел. Тем более в партийном Уставе была ленинская норма — во время обсуждения ты можешь высказать любое мнение. А вот когда состоялось решение — изволь его выполнять.

По установившейся традиции у нас в центральных газетах с пленумов ЦК публиковались только основной доклад, информационные сообщения с фамилиями выступавших и решения пленума. Тексты же выступлений участников пленума никогда не печатались. Поэтому мое выступление целиком никогда и нигде не было опубликовано.

Привожу полный текст моего выступления*.

«Товарищи! Все мы с большим вниманием выслушали доклад товарища Брежнева Леонида Ильича, который дал глубокий анализ положения на Ближнем Востоке в связи с агрессией Израиля.

На декабрьском пленуме ЦК КПСС отмечалось, что международная обстановка всегда и самым непосредственным образом влияет на внутреннюю жизнь страны, что внешняя политика нашей партии и государства была и все более становится важнейшим фактором мирового развития. События последних недель еще и еще раз показали правильность этих выводов.

Наш пленум проходит в знаменательное время. Партия, вся наша страна готовятся торжественно отметить великую историческую дату — 50-летие Октябрьской революции. Советский народ завоевывает новые и новые рубежи в юбилейном соревновании. За пять месяцев этого года объем производства московской промышленности вырос на 7,2 процента, производительность тру-

* Рукописный текст выступления Н. Г. Егорычева из его личного архива, переданного в РГАСПИ, сверен с текстом стенограммы июньского (1967 г.) пленума ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 69. Л. 16 об., 17, 17 об.).

да — на 6,9 процента по сравнению с тем же периодом прошлого года. Такие высокие темпы развития достигнуты тружениками московской индустрии впервые за последние восемь лет.

Во всем мире ныне признается огромное преобразующее воздействие идей Великого Октября на развитие человечества. Подготовка к юбилею Советского государства широко ведется за рубежом — и не только нашими друзьями, но и врагами. Наши друзья, все честные люди на земле отдают дань глубокого уважения и благодарности советскому народу за его беспримерный подвиг, за его великий вклад в социальное переустройство мира, в духовное обновление человечества. Враги делают все, идут на любые провокации и идеологические диверсии, пытаются принизить значение идей Октября, ослабить силу их воздействия, испортить наш светлый праздник.

Яростно сопротивляясь нарастающему мировому революционному процессу, реакция во главе с империалистами США обостряет международную напряженность, доводя ее временами до предельно опасного накала. Дальнейшая эскалация грязной войны во Вьетнаме, фашистский переворот в Греции², кризис на Ближнем Востоке — все это звенья одной цепи, одной — империалистической — политики.

В этих условиях невозможно переоценить роль Советского Союза. Не только наша страна, весь мир видел, как шаг за шагом, разоблачая израильских агрессоров и их пособников, руководители Коммунистической партии и Советского правительства принимали все меры, чтобы обуздать зарвавшихся захватчиков, чтобы погасить вспыхнувшее пламя новой войны.

Не будет, товарищи, преувеличением сказать, что агрессию международного империализма против арабских стран, осуществляемую руками израильских экстремистов, остановил именно Советский Союз, наша Родина.

И я с большим удовлетворением присоединяюсь к предложениям выступивших до меня ораторов одобрить твердую и решительную позицию политбюро и правительства в дни кризиса на Ближнем Востоке, одобрить те меры, которые привели к прекращению военных действий. (*Аплодисменты.*)

Партийная организация и все трудящиеся Москвы высоко оценили также значение состоявшейся 9 июня по инициативе КПСС встречи руководителей европейских социалистических государств и выработанного во время этой встречи Заявления.

В докладе товарища Брежнева поставлен вопрос о необходимости сделать должные выводы из анализа имевших место событий и определить на дальнейшее четкую линию нашего поведения

в этом очень опасном районе мира. Ближний Восток уже много лет представляет собой «пороховую бочку». На этот раз, как и в 1956 году, удалось погасить огонь большой войны, который все ближе подбирался к этой «пороховой бочке», но в любой момент он может вспыхнуть снова.

Линия ЦК КПСС на ликвидацию последствий израильской агрессии, бесспорно, правильная. Теперь потребуются очень точные, разумные и гибкие действия для проведения этой линии в жизнь.

В апреле этого года мне довелось в течение двух недель находиться в Объединенной Арабской Республике в составе делегации КПСС, приглашенной в ОАР Арабским социалистическим союзом. По итогам поездки мы доложили в ЦК, что обстановка в стране продолжает оставаться довольно сложной.

Глубокие социально-экономические преобразования, проведенные правительством Насера после 1961 года и горячо поддержанные рабочим классом, крестьянством и передовой частью интеллигенции, привели к обострению классовой борьбы.

Хотя господство иностранного империалистического капитала в ОАР было ликвидировано, а по влиянию местных феодалов и крупной буржуазии был нанесен сокрушительный удар, имущие слои населения продолжают играть важную роль во внутривосточной и хозяйственной жизни страны.

Линия руководства ОАР на дальнейшее углубление прогрессивных преобразований вызывает упорное противодействие со стороны эксплуататорских слоев, значительной части государственного аппарата, реакционно настроенного мусульманского духовенства. Как видно, Насер лишился также поддержки и известной части офицерского состава армии, связанной с этими слоями населения. Обстановка в стране осложняется еще и значительными экономическими и финансовыми трудностями. Таким образом, вопрос «кто — кого» в ОАР еще не решен.

Не исключено, что поражение египетской армии на Синайском полуострове также в известной степени связано с обострением классовой борьбы, с предательством реакционной части офицерства.

В условиях обострения классовой борьбы Насер понял, что необходима такая политическая сила, которая вела бы активную работу в народе, являлась бы его авангардом и на которую можно было бы опереться в дальнейшем преобразовании страны.

Созданный в 1963 году совершенно аморфный и по своему социальному составу разнородный Арабский социалистический союз оказался неэффективным. С конца 1965 года в ОАР начато создание политической партии. При этом большое внимание уделяется изучению опыта КПСС. Многие руководящие деятели существовавших

ранее в Египте коммунистических групп — а они наши хорошие друзья — активно участвуют в организации нового политического аппарата, особенно в разработке его политической платформы. Думаю, что нам очень важно оказать свое влияние на создание партии, тем более что руководители ее охотно идут на сближение.

В настоящее время Насер возглавляет в ОАР наиболее прогрессивные силы. Уход Насера в отставку на деле означал бы удар по левым силам страны, по тем прогрессивным преобразованиям, которые проводятся в ОАР, означал бы победу правых, имеющих явно прозападную ориентацию.

Поэтому линия ЦК КПСС на поддержку и укрепление режима Насера, на восстановление пошатнувшегося авторитета ОАР в арабском мире, помощи арабским странам в преодолении разногласий между ними, в усилении их политических позиций на Ближнем Востоке и в объединении всех их сил на борьбу против империалистов, в укреплении обороноспособности арабских государств — эта линия единственно правильная. Она найдет поддержку не только в нашей партии и стране, но и среди всех прогрессивных сил мира.

При этом, исходя из тех фактов, которые приводил Л. И. Брежнев в докладе, хочу высказать пожелание, чтобы в наших отношениях с ОАР и лично с президентом Насером при оказании помощи этой стране было бы побольше требовательности. Уж очень беспечны и безответственны часто бывают некоторые наши друзья.

Если о предательстве какой-то группы офицерского состава на Синайском полуострове сегодня можно только предполагать, то уж преступная беспечность в египетской армии налицо, а это слишком дорого обошлось не только народу ОАР.

Или чего стоят, например, безответственные заявления президента Насера о том, что арабы никогда не согласятся на сосуществование с Израилем, о тотальной войне арабов против этой страны или заявление каирского радио в первый день войны о том, что «наконец-то египетский народ преподаст Израилу урок смерти». Нельзя не согласиться также и с тем, что действия ОАР в Акабском заливе не были оправданны.

Подобная безответственность в сочетании с беспечностью может привести мир к еще более тяжелым последствиям.

Товарищи! Политбюро ЦК КПСС и лично товарищ Брежнев в дни наибольшего напряжения на Ближнем Востоке провели огромную работу, чтобы обуздать израильских агрессоров, разоблачить коварный заговор и пресечь провокационные действия американских и английских империалистов, чтобы не допустить смены прогрессивного руководства в ОАР и Сирии и создания там марионеточных

правительств. Чтобы не пострадал престиж нашей Родины, особенно в странах Арабского Востока, была проделана также огромная работа по объединению всех прогрессивных и миролюбивых сил.

В результате империалисты не достигли ни одной из главных своих целей. Авторитет США и Англии не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире оказался основательно подорванным.

Вместе с тем события на Ближнем Востоке, во Вьетнаме, Карибский кризис 1961 года показывают, что империалисты могут в любой момент развязать новую большую войну.

Леонид Ильич говорил сегодня в докладе, что нам надо повысить бдительность. Поэтому, видимо, надо еще и еще раз самым тщательным образом взвесить, готовы ли мы в любой момент отразить внезапный удар агрессора — будь то на западе, востоке или на других границах нашей Родины. И не только отразить, но и сокрушить противника.

Думается, что сейчас, когда международная напряженность возрастает, очень важно максимально объединить и еще более четко скоординировать всю нашу экономическую, политическую и военную работу с целью всемерного укрепления обороноспособности страны. Мы, партийные работники, можем и обязаны значительно повысить активность и боевитость партийных организаций, в первую очередь тех, коллективы которых работают над проектированием и изготовлением современных средств обороны. Вооружение нашей армии должно превосходить все то, чем располагают армии империалистических стран.

В нашей политической работе очень важно усилить военнопатриотическое воспитание трудящихся, особенно молодежи, воспитание в духе классового самосознания, ненависти к классовому врагу, в духе гордости за успехи нашего народа, достигнутые под руководством КПСС за годы советской власти.

Вопросы экономического развития страны, политической работы партии в массах систематически обсуждаются на съездах КПСС и пленумах ЦК. Может быть, настало время, продолжая линию октябрьского (1964 г.) пленума ЦК, на одном из предстоящих пленумов в закрытом порядке заслушать доклад о состоянии обороны страны и о задачах партийных организаций — гражданских и военных, — так как, например, на прошлом пленуме мы рассматривали вопрос о нашей внешней политике.

Меня, например, как члена военного совета Московского округа ПВО, весьма беспокоит, что противовоздушная оборона столицы недостаточно надежна. Существующая система все более морально стареет, модернизация ее должного эффекта уже не дает, создание же новой системы ПВО столицы слишком затягивается.

Очевидно и то, что волевые решения, принимавшиеся в области обороны до октябрьского пленума ЦК, нанесли известный урон Вооруженным силам, особенно авиации, флоту и в какой-то мере мотомеханизированным частям³.

Кстати, в то время нашлись некоторые не в меру ретивые исполнители этих волевых решений. Устарел флот? Разрежем корабли! Не нужна авиация? Перестроим некоторые авиационные заводы на выпуск другой продукции. Причем реконструкция, например, Московского завода имени Хруничева обошлась, видимо, государству почти в такую же сумму, как стоило бы строительство нового специального завода: фактически завод был полностью перестроен. Едва ли это было сделано разумно. Теперь жизнь составляет уже один из ракетных заводов Москвы переоборудовать на авиационный.

Может быть, я слишком заостряю вопрос, в чем-то неправ в силу своей недостаточной осведомленности. Но я считаю, оборона страны — слишком важное дело, потому ничего, если мы здесь в ЦК в чем-то обострим этот вопрос, лишь бы была польза делу.

И еще... Я прошу, товарищи, правильно меня понять. Я никого не хочу обидеть, ни на кого не намекаю. Хочу только подчеркнуть, что каждый из нас в меру своего положения, того огромного доверия, которое нам оказано, несет высокую персональную ответственность перед партией, ее Центральным комитетом как за свою работу, за свои поступки, так и за наше общее партийное дело.

Товарищи! События на Ближнем Востоке вызвали среди наиболее отсталой части нашего населения некоторые нездоровые настроения. Я говорю прежде всего о таких отвратительных явлениях, как сионизм и антисемитизм. Чтобы они не получили развития в дальнейшем, не следует проходить мимо них сегодня, как бы не замечая их. Ведь нездоровые проявления национализма и шовинизма в любой форме очень опасны.

В. И. Ленин всегда уделял большое внимание национальному вопросу. Сейчас, с развитием нашего социалистического многонационального государства, отношения между нациями становятся все богаче и многообразнее. Порой в этих отношениях могут возникнуть и какие-то сложные явления, особенно в условиях ожесточенной идеологической борьбы между двумя мировыми системами.

Таким образом, национальный вопрос — это живой процесс общественного развития, и едва ли правильно, что вот уже несколько десятков лет он не разрабатывается во всем его многообразии. Чаще всего дело ограничивается темой дружбы народов нашей страны. Да, дружба народов — величайшее завоевание ленинской национальной политики партии. Вместе с тем глубокое теоретическое

исследование национального вопроса в целом может быть очень полезным, особенно для нас, практических работников партии.

Товарищи! Накануне пленума мы познакомились с проектом Тезисов ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В них до предела лаконично, но и вместе с тем глубоко и впечатляюще рассказано о славной истории Советского государства за полвека своего существования, о беспредельном мужестве нашего народа, который под руководством Коммунистической партии, под знаменем ленинизма прошел героический полувековой путь борьбы и побед.

Несмотря на отчаянное сопротивление эксплуататорских классов, на открытую, наглую интервенцию стран Антанты, кайзеровской Германии и Японии, наше молодое пролетарское государство выстояло и окрепло. Несмотря на внутреннюю оппозицию, бойкот Советского Союза со стороны главных империалистических государств, мы сумели до 1941 года создать мощную индустрию и высокопродуктивное коллективное сельское хозяйство. Несмотря на очень трудный первый период Великой Отечественной войны, проявляя чудеса стойкости и героизма, наш народ добился исторической победы над фашистской Германией; в короткие сроки восстановил разрушенное войной хозяйство на временно оккупированных врагом территориях страны и ныне успешно строит коммунизм. И все это делается под руководством нашей славной ленинской партии.

Храня и преумножая ленинские традиции, партия после смерти Владимира Ильича разгромила оппозиционеров всех мастей, очистила от них свои ряды, укрепила свои связи с массами. Правда, серьезный урон нашему делу был нанесен в связи с культом личности Сталина. Партия преодолела и это уродливое, чуждое ее ленинскому духу явление. Огромное значение в жизни партии имеет октябрьский пленум 1964 года. Центральный комитет единодушно осудил волюнтаристские методы и субъективизм Хрущева, который в последний период своей деятельности отошел от ленинских норм и принципов партийного руководства, пытался единолично командовать партией и управлять страной.

И пусть не радуются наши враги. Как ни стараются они изобразить наши трудности как пороки, раздуть наши ошибки и недостатки в практической работе, Коммунистическая партия в борьбе с трудностями лишь крепла, завоевывая все больший авторитет в народе, в мировом коммунистическом и рабочем движении. Ведь партия — это не только и не столько Сталин или Хрущев. Это миллионы коммунистов-ленинцев, это многотысячный, преданный делу наш замечательный партийный актив, это, наконец, Центральный комитет КПСС.

Наша партия всегда, в любой обстановке свято хранила и хранит ленинские традиции, беспредельно верит в светлые идеалы коммунизма. Коммунисты нашей ленинской партии не на словах, а на деле всегда до конца отдавали и отдают все свои силы служению этим великим идеалам, их практическому претворению, их торжеству. В пору суровых испытаний, когда требовала Родина, в первых рядах ее верных солдат были коммунисты. Так было, так есть и так всегда будет.

И очень хорошо, что в Тезисах ЦК показано все главное в деятельности партии за 50 лет советской власти, показана славная героическая история нашего народа, раскрывается ясная перспектива нашего движения вперед.

Я предлагаю одобрить тезисы, широко довести их до всех трудящихся и положить в основу политической работы каждой партийной организации в период подготовки к Великому юбилею. (*Аплодисменты.*)».

При подготовке выступления я включил в текст имена военных, руководителей ВПК и конструкторов, но накануне выступления я все эти имена исключил. Решил, что из текста и так ясно, о ком идет речь. В частности, из моих слов о волевых решениях, которые нанесли в свое время немалый урон авиации и флоту, Брежнев и Устинов сразу же поняли, что эта критика в их адрес, и они были правы.

В Свердловском зале Большого Кремлевского дворца, где проходил пленум, было около 400 человек. Пока я выступал, стояла гробовая тишина. После выступления зал проводил меня аплодисментами до самого места. Поэтому выступавшие после меня (следующего за мной я не помню*) секретарь Ленинградского обкома В. С. Толстиков**

* Следующим за Н. Г. Егорычевым выступал В. В. Холявко — сталевар Макеевского металлургического завода им. Кирова.

** Из выступления В. С. Толстикова: «Мы оказываем многим странам помощь оружием, причем в ряде случаев безвозмездно. Это правильно, это надо делать и впредь. Но невольно встает вопрос — всегда ли хорошо используется эта помощь.

Если судить по тому, как использовали наше оружие арабы, а там его, как видно из доклада, было больше чем достаточно, то можно прямо сказать, что плохо, во вред всему делу освобождения народов. И если сейчас сами арабы запросили наших консультантов и советников, предоставляют им большие полномочия, то, видимо, несмотря на специфику и трудности, нам в этом плане надо быть понастойчивее, особенно нашим дипломатическим и военным представителям.

Ведь обидно, что тысячи подготовленных в наших академиях и училищах офицеров для армий арабских стран оказались неспособными к отражению агрессии и правильному использованию оружия. Обидно, конечно, и то, что имеющие боевой опыт наши офицеры и генералы, находящиеся

и президент АН СССР М. В. Келдыш* — оба отмечавшие крупные недочеты в понимании обстановки — не обмолвились о моем выступлении ни единым словом.

Я обратил внимание на оживленные переговоры и активный обмен записками в президиуме пленума. Пленум должен был закончиться в 7 часов вечера. Неожиданно за полчаса до назначенного срока председательствующий М. А. Суслов предложил перенести на утро следующего дня выступление Ш. Р. Рашидова, уже объявленного как оратора после М. В. Келдыша.

Никто не понял, выступал я по собственной инициативе или моя речь одобрена Л. И. Брежневым. Даже А. И. Микоян — хитрейшая лиса — и тот не разобрался и попал впросак. После окончания этого вечернего заседания мы с ним поехали в Колонный зал Дома союзов, где Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) проводил отчетно-выборное собрание, на котором избирал новый состав руководства ССОД, куда вошел и я. Председатель президиума Союза Нина Васильевна Попова⁴ организовала небольшой ужин человек на сорок, куда пригласила меня и Микояна.

И вот во время ужина Анастас Иванович встает и говорит: «Я поднимаю бокал за Николая Григорьевича Егорычева (даже по имени-отчеству меня назвал!). Знаете, сегодня у него было такое замечательное выступление, такая отличная речь — настоящая, ленинская!» Правда, позже в своих воспоминаниях Микоян описал все с точностью до наоборот.

многие годы в арабских странах, не могли как-то повлиять на ход событий и вовремя проинформировать Политбюро о действительном положении дел в армиях арабских стран. Видимо, плохо работает Главное разведывательное управление.

Необходимо усилить также и изучение действительного положения и распределения сил в странах. Для того чтобы принимать правильные решения, необходимо знать обстановку, а с этим, видимо, у нас дело обстоит не совсем благополучно.

Следует отметить, что и посольства наши во многих странах малочисленны и малодейтельны» (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 69. Л. 19 об.).

- * Из выступления М. В. Келдыша: «Чтобы для нас не были неожиданными определенные просчеты, имеющие место в той или иной стране в социальных и военных сферах, нам надо более глубоко анализировать характер национально-демократических режимов в странах Азии и Африки. Всецело поддерживая эти режимы, необходимо учитывать слабость пролетарской базы в ряде стран, отсутствие демократических традиций, недостаточное социальное и общее культурное развитие. Еще недостаточно глубоко исследуется проблема национализма» (Там же. Л. 21).

Ю. Д. Липинский: К сожалению, я не присутствовал на этом пленуме, хотя до этого бывал на всех пленумах. У меня даже пропуск был — всюду проход! А тут Николай Григорьевич дал мне поручение кого-то обзвонить.

Он пришел где-то во второй половине дня:

— Ну вот, я выступил под бурные аплодисменты.

Я поздравил его, и он отдал мне тот текст, который, видимо, он потом передал в РГАСПИ. Когда я его увидел, боже! Я за голову схватился! Там такие фразы, которые вообще-то было не принято говорить: «Я, конечно, ни на кого не намекаю, но должен сказать...». Сейчас уже не помню. Я как прочитал... Какие там аплодисменты!..

П. Е. Шелест: Состоялся пленум ЦК КПСС, на нем рассматривался вопрос «О положении на Ближнем Востоке»... На пленуме с резкой критикой о состоянии обороны страны, в том числе и обороны Москвы, выступил первый секретарь МГК КПСС Егорычев. Он говорил сущую правду, в том числе и в адрес Л. Брежнева как председателя Комитета обороны. Но кому из «политиков» она, эта критика, нравится?*

Т. П. Архипова:** Нам, отделу пропаганды МГК, в те дни было не до пленума — мы принимали делегацию Азербайджана во главе с первым секретарем ЦК КП Азербайджанской ССР Ахундовым, которая прибыла в Москву в рамках Дней республики в связи приближающимся 50-летием советской власти.

Ахундов в своем выступлении говорил, что москвичам повезло с таким первым секретарем горкома партии, и по-восточному цветисто и ярко разрисовал, какой мудрый у нас руководитель Николай Григорьевич Егорычев, как замечательно он выступил сегодня на пленуме. Все радостно аплодировали. Потом выступает Прасковья Алексеевна Воронина — первый секретарь Бауманского райкома партии, член бюро МГК. Она тоже человек эмоциональный, и она тоже поет дифирамбы: «Николай Григорьевич, как хорошо, как блестяще вы выступили, мы все гордимся...» Ну, все гордятся!

А. И. Вольский*:** В первый день на пленуме ЦК его никто не критиковал. Более того, все, кто вечером приезжал с плену-

* Шелест П. Е. ...Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 284.

** Т. П. Архипова — заместитель заведующего отдела пропаганды МГК КПСС.

*** А. И. Вольский — кандидат в члены бюро МГК КПСС.

ма, — а там делегатами были В. Я. Павлов и В. Ф. Промыслов как члены ЦК и Р. Ф. Дементьева и П. А. Воронина⁵ — кандидаты в члены ЦК, да и другие — все с восторгом говорили, как здорово выступил Егорычев! Как ему аплодировали!

В. И. Туровцев*: «В тот день по указанию второго секретаря МГК Павлова я должен был пойти на прием в польское посольство. На приеме ко мне подошел зам. председателя Комитета народного контроля СССР Георгий Васильевич Шикин:

— Ну, ты знаешь, как выступил сегодня на пленуме ваш Николай Григорьевич Егорычев. Какое блестящее выступление! Какая смелость в постановке вопроса! Какая глубина мысли! Я тебе скажу: сколько я переслушал партийных работников, но такого яркого выступления я не помню.

Я порадовался за своего руководителя.

С. Е. Егорычева: Мне было в тот день много звонков. Все звонили, поздравляли, говорили, как замечательно выступил Николай Григорьевич, как провожали его до места аплодисментами. Я немного успокоилась и даже пожалела, что накануне отговаривала его.

Но когда он поздно вечером пришел домой, настроение у него было явно не триумфатора. Он старался выглядеть спокойным, вошел, как всегда — приветливый, с улыбкой, но сердце мое было обмануть трудно.

Я все-таки рассказала ему о звонках, восторгах, поздравлениях. Он нахмурился и коротко бросил: «Не к добру все это».

Второй день работы пленума ЦК

На следующий день, 21 июня, когда я пришел на заседание пленума, я почувствовал, что отношение ко мне со стороны вчерашних слушателей переменилось.

Их обрабатывали всю ночь. Секретарь ЦК Д. Ф. Устинов принял упоминание о «не в меру ретивых исполнителях» идей Хрущева о вооружениях на свой счет. И он был недалеко от истины. Его фамилия была в моем выступлении. Но в последний момент я и ее убрал.

Позже мне один из министров оборонной отрасли рассказал, что после моего выступления их всех собрал Устинов. «Дмитрий Федорович, — говорил он, — от злости просто на стенку бросался. Кричал: «Мы этого Егорычева в пыль сотрем!»...

* В. И. Туровцев — член бюро МГК КПС.

Первым с критикой в мой адрес выступил Шараф Рашидов — первый секретарь ЦК КП Узбекской ССР. Он заявил: «Противовоздушная оборона Москвы начинается в Ташкенте»*.

Я был неприятно поражен, сидел и думал: когда в 1941-м враг оказался у порога столицы, то вся полнота ответственности за оборону Москвы легла на плечи москвичей. Конечно, нам помогала вся страна, но ведь это я со своими товарищами, а не Рашидов сидели в окопчике у моста через канал с гранатами и бутылками, ожидая немецкие танки...

Вспомнил, когда в 1966 году в Ташкенте произошло землетрясение, я позвонил Рашидову, выразил ему соболезнования и сказал, что Москва безвозмездно построит в узбекской столице 170 тысяч квадратных метров жилья. Он много раз благодарил меня за это и говорил, что я теперь его родной брат...

За Рашидовым гурьбой пошли первые секретари: Горьковского обкома К. Ф. Катушев**, ЦК КП Грузии В. П. Мжавана

* Из выступления Ш. Р. Рашидова: «...я хотел бы остановиться на выступлении т. Егорычева, особенно в части об обороне нашей столицы. Мы знаем, что это выступление именно в этой части необъективно и непонятно... Такой вопрос не существует. Мы с т. Егорычевым не согласны именно в этой части его выступления... Мы в курсе дела, знаем, что делается в стране. И поэтому сегодня говорить о том, что оборона нашей столицы не обеспечена, — это будет необъективно и неправильно, и поэтому мы с этим не можем согласиться.

Во-первых... оборона нашей Москвы начинается с нас, с братских республик...

Во-вторых, состояние боеготовности армии, ПВО на высоком уровне. Мы считаем, что никогда именно вот таких достижений в укреплении боеготовности нашей армии и ПВО не было, как сейчас...

Правда, мы не все знаем, но то, что мы знаем, говорит о том, что партия и правительство сделали все, чтобы и наша страна, и наш народ стали непобедимыми. За это мы должны быть благодарны нашему ленинскому Центральному комитету партии» (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 69. Л. 21 об., 22 об.).

** Из выступления К. Ф. Катушева: «...Разрешите, товарищи... остановиться на вопросе, который не входил в план моего выступления, но я считаю необходимым остановиться на нем в связи с выступлением т. Егорычева.

Мне непонятен тон его выступления, когда он говорил о противовоздушной обороне Москвы. Я думаю, что он совершенно неправ. Я знаю, что оружие, установленное и в нашей области, и в других соседних областях, которые являются ближними подступами обороны Москвы, является весьма совершенным, с большими возможностями и находится в надежных, опытных руках, способных отразить любые попытки нападения» (Там же. Л. 23 об.).

дзе* и ЦК КП Азербайджана В. Ю. Ахундов**. Они обвинили меня в некомпетентности. А. Э. Восс*** из Латвии и Г. С. Золотухин**** из Краснодарского края присоединились к мнению хулителей.

Только вклинившийся между ними первый секретарь Челябинского обкома партии Н. Н. Родионов***** дал мне перевести дух

* Из выступления В. П. Мжаванадзе: «...Я немного знаком с положением дел обороны страны, в том числе и противовоздушной обороны Москвы. Я должен прямо сказать, что если бы я ничего не знал, я чувствовал себя очень плохо, очень неловко, услышав о таком положении с противовоздушной обороной Москвы. То, о чем говорил т. Егорычев, я не все знаю, но я знаю, что противовоздушная оборона Москвы осуществляется не только непосредственно под Москвой, а далеко от Москвы, начиная прямо от границ СССР... Я не знаю, оговорка ли это у т. Егорычева или незнание глубоко и всесторонне вопроса, во всяком случае, что бы то ни было, такую оценку состояния противовоздушной обороны не следовало делать, ибо для этого нет никаких оснований» (Там же. Л. 24 об.).

** Из выступления В. Ю. Ахундова: «Тут уже говорилось о той части выступления т. Егорычева, где он дал неправильную оценку состоянию ПВО Москвы. У нас, как известно, в Баку располагается Бакинский округ ПВО. Если я не ошибаюсь, это второй по величине округ после Москвы. Поэтому я имею некоторое основание сказать о том, что делается в этой области... Мы бываем на военных советах, часто общаемся с офицерским составом, командующими и членами военного совета. Я должен сказать, что этот округ оснащен современной боевой техникой... Поэтому нам надо более правильно оценивать состояние обороны» (Там же. Л. 26 об.).

*** Из выступления А. Э. Восса: «...Я полностью, товарищи, разделяю замечания Рашидова, Катушева, Мжаванадзе и других товарищей по поводу выступления т. Егорычева в части, касающейся обороны Москвы. Нельзя согласиться с положением, что оборона столицы нашей Родины Москвы недостаточно обеспечена. Это не соответствует действительности, как убедительно об этом сказали в своих выступлениях вышеупомянутые товарищи» (Там же. Л. 25 об.).

**** Из выступления Г. С. Золотухина: «...Политбюро Центрального Комитета, наше Советское правительство делают все необходимое, чтобы наша обороноспособность, наша готовность, наше вооружение были на уровне современных требований. Мне хотелось бы сделать одно замечание в связи с этим.

Мне кажется, что в этих условиях ставить вопрос о том, чтобы широко обсуждать состояние наших Вооруженных сил на пленуме ЦК, видимо, совершенно нецелесообразно, потому что это — высшие наши интересы. Они, конечно, секретные. И чем меньше будут знать людей эти секреты, тем лучше для самих секретов» (Там же. Л. 30).

***** Из выступления Н. Н. Родионова: «На наш взгляд, в недалеком прошлом была допущена недооценка бронетанковой техники в обороне страны, и до настоящего времени нет полной четкости в организационном решении этой проблемы.

да писатель А. Е. Корнейчук, который ни словом не отреагировал на мое выступление.

В чем же заключался наиболее скандальный момент в моем выступлении? В том, что фактически я вторгнулся в святая святых — в вотчину политбюро. В то время ни один вопрос обороны страны на пленумах ЦК никогда не обсуждался. Все они рассматривались только в политбюро, как и вопросы государственной безопасности, внутренних дел, военно-промышленного комплекса и многие другие.

Но что и как политбюро ЦК решало — нам было неизвестно. Когда члены ЦК получали протоколы заседаний политбюро, то в них читать было нечего, кроме информации о назначении такого-то на такую-то должность, о посылке приветствий, об одобрении дипломатических нот в адрес какого-либо государства, о решениях провести такое-то мероприятие по линии комсомола или профсоюзов. Ко времени получения этих протоколов обо всем этом можно было прочитать и в газетах.

Несмотря на создание оборонных министерств, единого руководства танковой отраслью у нас нет.

В годы войны Челябинск называли “Танкоградом”. Он дал фронту 18 тысяч танков и самоходных установок, десятки тысяч моторов. Теперь Челябинский тракторный завод находится в ведении Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, и отношение Госплана СССР к этому заводу непонятно. За последние 6 лет на развитие завода было выделено вдвое меньше средств, чем намечалось специальным постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР.

3 августа прошлого года было принято новое постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, которое обязывало Госплан Союза и Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения в 2-месячный срок представить предложения об увеличении мощности ЧТЗ.

Прошел почти год, однако предложения так и не проработаны... Это неправильно. Пора, наконец, определиться в этом деле и приступить к планомерному переоснащению завода, имея в виду, что он может поставлять не только тракторы, но и первоклассные танки. В послевоенные годы на Урале в значительной мере утрачены навыки производства броневого защиты танков, не ведутся в необходимых размерах опытно-исследовательские работы по совершенствованию марок и технологии производства броневого стали.

Теряются кадры специалистов броневого производства... надо приостановить катастрофическую текучесть кадров с оборонных заводов. В 1966 г. с оборонных предприятий нашей области уволилось 23 тысячи человек. Где уж тут говорить о сохранении секретности и высокой мобилизационной готовности. Не знаю, как в других местах, но у нас в Челябинской области самые плохие жилищные условия, больше всего бараков осталось на заводах Министерства оборонной промышленности. Да и заработок на этих заводах зачастую ниже, чем в ряде других заводов. Надо бы это поправить» (Там же. Л. 25 об., 26).

В то же время в протоколах были такие записи: «Вопрос такой-то. Особая папка». Таких закрытых от нас вопросов было в протоколе десятки. Что там обсуждалось, мы, члены ЦК, не знали. А ведь эти вопросы были важнейшими в жизни государства.

Что касается состояния противовоздушной обороны Москвы, то ничего крамольного здесь не было сказано. Я говорил об этом спокойно, без надрыва. Да, меня, как члена военного совета Московского округа ПВО, беспокоило, что система безнадежно устарела, а новую никак не могут создать.

Хрущевские выкрутасы в оборонной промышленности тоже ни для кого не были особым секретом. И о перепрофилировании завода — чистая правда. Производство вертолетов с Московского завода им. Хруничева перенесли в Ростов-на-Дону и там не могли его толком начать более десяти лет. А война во Вьетнаме показала, насколько они нужны.

И главное — я знал, о чем говорил! Как член военного совета Московского округа ПВО, я побывал на многих объектах противовоздушной обороны столицы. Они тогда находились в 40–50 километрах от Москвы. В то время ракеты «воздух — земля» имели дальность полета несколько сот километров. Я присутствовал на военных учениях, посещал ближний и дальний пункты управления, вылетал на дальние позиции новой системы ПВО столицы, строящиеся примерно в 400 километрах от Москвы, то есть хорошо знал положение в частях.

А то, что я не всегда присутствовал на заседаниях военного совета, то меня часто сами военные отговаривали приезжать: «Вы посмотрите, какая повестка дня. Мы ведь тряпки делим. Вам нужно на это терять время?»*

Кстати, когда немецкий пилот-любитель Руст на спортивном самолете 28 мая 1987 года беспрепятственно пролетел государственную границу СССР и тысячу километров (!) над советской

* Записка в президиум пленума ЦК КПСС: «Леонид Ильич! Многие из нас (секретари ЦК компартий союзных республик, секретари крайкомов и обкомов партии) являются членами военных советов округов, флотов и армий. Видимо, следовало бы с нами, когда это нужно, собираться, информировать нас. Есть и у нас ряд наблюдений по положению дел в войсках, в т. ч. такие, которые иногда остаются незамеченными военными. Может быть, стоило раз собрать нас и специально, ведь мы тоже в ответе перед партией.

Секретарь Могилевского обкома КП Белоруссии. Член военного совета 5-й Гвардейской танковой армии Г. Криулин. 21. VI. 67».

Приписка: «Копия записки направлена т. Устинову по указанию т. Черненко К. У.» (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 74. Л. 4).

территорией и приземлился у храма Василия Блаженного около Кремля, то в первый же час мне сообщил об этом генерал из аппарата Совмина СССР, который в 1967 году был начальником штаба Московского округа ПВО. Хотя и задним числом, он рассказал мне, что старший офицерский состав округа в 1967 году был полностью согласен со мной относительно неудовлетворительного состояния противовоздушной обороны Москвы...

После пленума дело о создании новой зенитной ракеты пошло значительно активнее, хотя все вопросы ПВО столицы так и не были решены.

Когда после пленума я рассказал обо всем этом Брежневу, он заявил:

— Мне же командующий ПВО страны П. Ф. Батицкий и командующий округом В. В. Окунев⁶ дали такую информацию!

— Когда вы их спросили, так ли обстоит дело с ПВО столицы, то эти генералы просто... испугались, — ответил я.

Я направил записку в президиум пленума с просьбой дать мне слово для справки. Я понимал, что все мои слова будут восприняты с недоверием, но решил сделать попытку достучаться до сознания делегатов!

Слово мне дали перед заключительным словом генсека.

В слове для справки я попытался разъяснить товарищам, что я имел в виду, говоря о необходимости усиления бдительности, — ведь я выступал в поддержку положения, содержащегося в докладе Брежнева!

«Товарищи! Я взял слово для справки, чтобы по-партийному ответить на критику моих товарищей по партии в мой адрес.

Когда я говорил о необходимости усилить бдительность, поддерживая ту задачу, которую поставил Л. И. Брежнев в докладе, я призывал усилить нашу работу экономическую, политическую и военную с целью укрепления обороны нашей Родины. Именно с этих позиций я ставил вопрос о том, что, может быть (это как мое предложение, на обсуждение пленума), в Центральном комитете на одном из пленумов стоит заслушать доклад об обороне страны и задачах партийных организаций — гражданских и военных, а отнюдь не для того, чтобы слушать отчет о состоянии дел в Советской армии на этом пленуме. Высказывая свое беспокойство, я говорил, что, может быть, я в чем-то неправ в силу своей недостаточной осведомленности.

Товарищи Рашидов, Катушев, Мжаванадзе, Ахундов и другие товарищи показали, что я неправ в оценке состояния ПВО столицы.

И я очень рад, что я неправ. Я высказывал тревогу в связи с тем, что затягивается создание одной новой современной системы ПВО,

которая должна и бесспорно обеспечит значительное повышение надежности ПВО Москвы. Я рассчитывал на то, что упоминание об этом на пленуме ускорит завершение этой очень важной работы.

Я с глубокой благодарностью и признательностью выслушал выступления критиковавших меня товарищей, где они говорили о том, что Москву и с воздуха, и на земле, и на море надежно защищают все наши республики, наши доблестные Вооруженные силы.

Мы хорошо знаем, что столица дорога каждому советскому человеку, что политбюро Центрального комитета партии делает все для укрепления обороны страны, для безопасности нашей столицы. Я, видимо, нечетко сформулировал свои мысли, изложил их неудачно, в отдельных местах неправильно, поэтому дал основание выступающим товарищам поправить меня, поправить эти мои неправильные мысли. И за это я им по-настоящему благодарен.

Я должен сказать — и это мне хорошо известно, — что политбюро ЦК и лично Леонид Ильич Брежнев уделяют огромное внимание, проявляют большую заботу об обороне страны*.

Я еще раз хочу сказать, что не имею никаких намерений приносить в чем-то или поставить под сомнение эту огромную работу, которая ведется в стране под руководством политбюро ЦК по укреплению обороноспособности нашего государства. У меня единственное желание, чтобы все мы, члены ЦК, вся наша партия еще и еще больше усилили нашу бдительность, усилили работу по укреплению обороны страны, по укреплению экономической мощи нашего государства, по усилению воспитания трудящихся.

Я горячо поддержал в выступлении и вновь поддерживаю требования Леонида Ильича Брежнева о необходимости укрепления ответственности кадров, каждого из нас за свою работу. Московская партийная организация всегда хорошо понимала все задачи, которые ставит Центральный комитет перед партией, перед народом. Она была, есть и будет всегда надежным боевым отрядом нашей партии в борьбе за коммунизм».

Но все мои усилия, направленные на то, чтобы изменить мнение пленума, были напрасными.

«Крест» на мне поставил Брежнев в своем заключительном слове. Мне удалось получить переписанную от руки из стенограммы пленума часть заключительного слова Брежнева, касающуюся меня:

«Брежнев:...как и другие товарищи, я также считаю своим долгом сказать наше мнение по поводу выступления т. Егорычева Н. Г.

* Окончание текста этого выступления Н. Г. Егорычева в личном архиве не сохранилось. Далее текст идет по стенограмме пленума (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 69. Л. 30 об. — 31).

Тов. Егорычев в своем последнем выступлении, в справке, дал объяснение пленуму, как он себе представлял или мыслил свое выступление. Мы не можем пройти мимо его справки. Очевидно, надо ее учесть.

Но, как говорится, товарищи, то, что написано пером, не вырубишь топором. Дело в том, что выступает довольно зрелый, подготовленный работник. Мы не раз слышали выступление товарища Егорычева по многим вопросам и не можем сказать, чтобы он плохо или незрело выступал.

Поэтому я не хотел бы делать никаких снисхождений, когда речь идет о принципиальных вещах.

Голоса: Правильно.

Брежнев: Чтобы не допустить искажения, я хочу обратиться к стенограмме, в которой зафиксировано, как и что сказал товарищ Егорычев. Читаю: «Меня, например, как члена военного совета Московского округа ПВО, весьма беспокоит, что противовоздушная оборона столицы недостаточно надежна».

Далее говорится о каких-то волевых решениях, принимающихся в области обороны. Но к чему это вспоминать? Этот этап пройденный. У нас нет места волюнтаризму, все решения голосуются членами политбюро и решаются Советом Обороны. Далее: «Кстати, нашлись в то время не в меру ретивые исполнители этих волевых решений...» Здесь тоже заложена какая-то мысль.

О реконструкции завода. Из авиационного завода мы действительно сделали в Москве ракетный завод. Но он выпускает самую новейшую, как говорят, модерн-ракету. Это одна из главных, самых перспективных и нужных нам ракет. Так я говорю, товарищ Славский?

Славский (с места): Совершенно верно, очень важная ракета.

Брежнев: Вряд ли нужно поэтому на пленуме ставить под сомнение и называть «неразумным» это решение. Можно было бы обсуждать это предложение в свое время, когда мы решали этот вопрос. Это было бы понятно.

Кстати говоря, Николай Григорьевич, ты же говоришь, что реконструкция обошлась в такую же сумму, как стоило бы строительство такого же завода. Я попросил справку в Госплане. Реконструкция этого завода обошлась в 32 миллиона рублей, а строительство такого же завода в этом же объеме стоила бы нам 200 миллионов рублей.

Так что это общие слова. А на пленуме общими словами браться не положено.

Голоса: Правильно.

Брежнев: В выступлении вообще лежит тень. Хотел бы этого или не хотел бы этого товарищ Егорычев, тень вообще на оборону,

на наши славные вооруженные силы. «Надо еще и еще раз самым тщательным образом взвесить, — говорит Николай Григорьевич, — готовы ли мы в любой момент отразить удар агрессора, будь то на западе, востоке или других границах нашей Родины». Это не тема для дискуссий. Но я могу ответить на этот вопрос утвердительно. Да, мы готовы отразить любой удар любого врага.

Я, товарищ Егорычев, понимаю вас и учитываю ваше последнее выступление-справку. Вы знаете отношение Центрального комитета к вам — мы доверяли вам.

Но вчера я был поражен, я был удивлен, меня охватило какое-то необыкновенное чувство тревоги, когда я узнал (к сожалению, раньше мне никто об этом не докладывал), что вы, получивший мандат от политбюро члена военного совета Московского округа ПВО, ни разу не присутствовали на заседании военного совета.

Голоса: Позор!

Брежнев: И вы позволили себе на пленуме заявить, что вы ставите все эти военные вопросы как член ВС Московского округа ПВО!

Вы говорите об ответственности, о партийной дисциплине, что она должна касаться всех рангов. Это верно. Но она должна касаться и вас. Вы не выполнили воли и решения политбюро, которое доверило вам быть членом военного совета, решать вопросы укрепления обороны Москвы, помогать военным товарищам, в политическом плане решать вопросы, быть нашим глазом, нашим советником, нашим помощником.

Когда я узнал, что вы не участвуете в работе военного совета, я невольно задумался: откуда же у вас такие источники информации и такие сведения? Кто же у вас советник по этим вопросам, если вы не говорили по этому вопросу ни с командующим округом, ни с командующим ПВО страны?

Я вчера допустил такую мысль: у военных иногда бывает мирная битва за капиталовложения: отпустили им, например, 40 миллиардов рублей — начинают делить. Флот хочет больше, ПВО — тоже, сухопутчики — тоже. В. И. Чуйков тоже свое не упустит. Естественный процесс. Раз на этом месте стоят, надо больше денег.

Может быть, думаю, пошли наши командующие ПВО «со слезой» к товарищу Егорычеву? Военные знают какой народ? В интересах дела любую возможность используют!

Я спросил товарищей из ПВО, может быть, был такой обмен мнениями в МГК по этому вопросу? Но командующий округом, командующий ПВО страны заявили, что никаких бесед на эту тему с товарищем Егорычевым они не вели, обсуждение этого во-

проса не имело места и что они с заявлением товарища Егорычева по этому вопросу не согласны.

В этом отрыве от жизни военного округа, видимо, и состоит политическая ошибочность товарища Егорычева, которая привела его к тому, что он легко начал говорить об обороне страны.

Я не буду больше, товарищи, развивать этой темы»*.

Т. П. Архипова: Я не знаю текста выступления Егорычева. Но, как рассказывали, он критиковал Министерство обороны, Устинова за то, что состояние армии, вопросы безопасности должны беспокоить ЦК партии. И внес предложение вынести вопрос о безопасности на пленум. У него выступление было минут на двадцать. Его единственного проводили аплодисментами до места.

Я понимаю это так, что не потому, что он выступил с критикой Министерства обороны, а потому, что подавляющее большинство отнеслось к этому как к правильной постановке вопроса.

На следующий день на пленуме начались выступления, в которых все накинудись на Егорычева: незрелое выступление, политически вредное. А порядок был такой, что вопросами обороны занимался лично Генеральный секретарь ЦК — в данном случае Леонид Ильич Брежнев. И что самое ужасное было для нас узнать, что среди выступающих был Ахундов, который тоже выступил против Егорычева, причем, как рассказывали, так же вдохновенно, как накануне хвалил!

А. И. Вольский: Назавтра эти же люди, которые в первый день, я помню, в восторге приехали, говорили другое: зачем он полез на трибуну с военными вопросами.

В. И. Варенников:** Тяжелым рубежом в жизни Егорычева стало то, что он правильно оценил недостаточный уровень боевой готовности Московского округа ПВО.

Будучи членом военного совета Московского округа, он знал положение по защите его не просто с чьих-то слов. Он выезжал по собственной инициативе в части, дотошно изучал положение дел на местах, беседовал с командирами, с работниками штабов, с политработниками и пришел к выводу, что защита ПВО Москвы и Московской области недостаточна.

* Рукописный текст части заключительного слова Л. И. Брежнева ил личного архива Н. Г. Егорычева сверен с текстом стенограммы июньского пленума ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 69. Л. 33 об. — 34).

** В. И. Варенников — генерал армии.

В то время как раз была кульминация «холодной войны»... И Егорычев, как патриот своей страны, тем более участник Великой Отечественной войны, посчитал необходимым сделать официальное заявление. Зная, что его пожелания на военном совете не возымеют должного эффекта, он решил высказать их на широком партийном форуме — на пленуме ЦК КПСС и привлечь, таким образом, внимание к этой проблеме широкое руководящее звено партии — делегатов пленума...

...Егорычев Николай Григорьевич, будучи человеком открытым, считая, что вокруг него сотоварищи по партии, по идеям, что ему от них нечего скрывать, открыто высказывал свои мысли, не прибегая ни к каким дипломатическим уловкам.

С тех пор прошло много лет, и я могу сказать, что все, что тогда говорил Егорычев, было правдой.

Две беседы с генсеком

22 июня у меня состоялся неприятный разговор с Брежневым. Я пришел к нему и сказал:

— Леонид Ильич, вы вчера выступили фактически против меня. Я считаю, что в этих условиях я не могу руководить Московской городской партийной организацией. Я могу руководить только в том случае, если пользуюсь полным доверием и поддержкой политбюро и генсека. Мне такого доверия, как я понимаю, нет, я должен уйти.

— Слушай, Коля, я же не ставлю вопрос о твоём исключении из состава ЦК.

— А за что меня исключать из состава ЦК? — возмутился я. — Я сделал что-то, нарушающее Устав партии? Или выступил против решений пленумов и съездов?

— Вот скажем — и исключат! — завелся Брежнев.

— Но вы не забывайте, Леонид Ильич, что я тоже поборюсь!

Генсек сразу остыл:

— Да ты меня неправильно понял. Я же тебя очень люблю. Не торопись, подумай как следует, а завтра приходи снова.

— Хорошо, до завтра, — согласился я, отлично понимая, для чего ему нужен еще один день.

Брежнев просто тянул время, так как в этот момент по его заданию шла в Москве обработка партийного актива.

Брежнев и его окружение боялись, что московский актив не примет моей отставки. Дело в том, что в Москве меня хорошо знали по моим делам. И ведь совсем недавно я был единогласно избран в состав МГК партии.

Ю. Д. Липинский: На следующий день он меня опять вызывает:

— Я написал заявление. Прочитайте.

«Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л. И.

В связи с тем, что на июньском пленуме Центрального комитета партии моя позиция получила осуждение двух членов политбюро и двух кандидатов в члены политбюро, я не считаю себя вправе оставаться в должности первого секретаря Московского городского комитета партии. Согласен на любую работу». Дата. Подпись.

— Николай Григорьевич, неужели так серьезно?

— Я был у Брежнева. И он сказал: «Я тебя защитить не могу». Поэтому я иду с этим заявлением.

Назавтра прихожу снова к Брежневу.

— Ну как, не спал всю ночь? — участливо спрашивает он.

— Да нет, спал хорошо. Потому что для себя я вопрос решил еще вчера: я должен уйти. Потом знаете, вы не беспокойтесь: раз я сказал, что я должен уйти, я уйду. Уйду по-хорошему. И мой московский актив меня поддержит. Если кто-то будет выступать «против», я вам гарантирую, что у меня достаточно авторитета, чтобы все прошло без эксцессов: Московская партийная организация не допустит разлада в единстве партии.

— Ну ладно, — облегченно вздохнул Брежнев. — Ты знаешь, как я тебя люблю, Коля! Что для тебя сделать?

— Мне нужна работа, вот и все.

— Да работу тебе дадут! Ты ведь инженер. У тебя хорошие данные. Капитонов уже занимается, — проговорился он. — Но я лично хочу тебе помочь. Ты же знаешь, как я тебя люблю...

Я понимал, что ЦК партии оказал доверие Брежневу, и если в наших отношениях возникли разногласия, то уйти должен я. А будущее покажет, кто был прав.

П. Е. Шелест:...Позвонил мне Л. Брежнев (наконец его «прорвало»), сказал: «Московская городская партийная организация нуждается в укреплении, и Егорычева стоило бы заменить». Это «здоровая, партийная реакция» руководителя партии на критическое выступление на пленуме ЦК КПСС стоила первому секретарю МГК должности. Брежнев на первого секретаря МГК предложил кандидатуру В. Гришина — он тогда работал председателем ВЦСПС. «Все согласились», — сообщил Брежнев мне. Я тоже молчательно согласился, хотя в душе не было согласия. Я думал, что нельзя так поступать и обращаться с кадрами только за то, что они имеют свое мнение и говорят правду. Многие играли в прятки со своей совестью и принципиальностью. Брежнев все больше

проявлял свои «способности и задатки» расправы с неугодными ему кадрами*.

Ю. Д. Липинский: После пленума ЦК было закрытое заседание бюро МГК. Но сначала Егорычев собрал секретарей. А секретарей предварительно обработали. Кто и как обрабатывал, я не знаю, да и никто не знает. Вернее, никто не скажет.

Он секретарям рассказал все подробно. Выступали Павлов, Демтьева, Воронина, Калашников, Крестьянинов, Шапошникова. Они выступили против Егорычева. Все они обвиняли Егорычева, что он с ними не советовался, готовя свое выступление на пленуме.

В. И. Туровцев: На третий день после завершения пленума ЦК мне позвонил второй секретарь МГК Владимир Яковлевич Павлов и коротко сказав: «Заезжай», — повесил трубку. Когда я зашел к нему, он мне заявил:

— Завтра на бюро горкома выступит Н. Г. Егорычев с заявлением, в котором он попросит освободить его от обязанностей первого секретаря и члена бюро МГК. И мы должны будем освободить его.

— С какой стати? — спросил я, хотя к тому времени уже знал некоторые подробности его выступления.

— Ну, ты знаешь, — вскинулся он, — он неудачно выступил на пленуме!

— А ты что, всегда удачно выступаешь? Я, например, о себе такого сказать не могу. Когда удачное выступление, а случилось — и неудачное. И что же, за одно неудачное выступление мы должны снимать человека с работы?

— Ну знаешь, Виктор, ты много на себя берешь. Я ведь говорю тут не только от своего имени. Ты это должен понимать. Поэтому приготовься к тому, чтобы завтра выступить так, как я тебе говорю.

* Шелест П. Е. ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. С. 285.